

УДК 1 (091)

ФОРМАЛЬНЫЙ МЕТОД Ю.Н. ТЫНЯНОВА И АНАЛИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Ю.А. Якушева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Русская формальная школа проанализирована в статье как особое явление философско-методологической мысли. Выявлена значимость исследований Ю.Н. Тынянова для понимания природы текста и гуманитарного познания в целом. Описаны взгляды Ю.Н. Тынянова на эволюцию литературы и метод ее изучения.

Ключевые слова: *структурализм, неокантианство, Русская формальная школа, анализ текста, гуманитарное познание, литературная эволюция, текст, философия культуры.*

Русская формальная школа – значительное явление не только отечественной филологии, но и философско-методологической мысли, рассматриваемое сегодня как оригинальный вариант структуралистских идей в гуманитарном познании. Она сформировалась во многом под влиянием академической среды Петербургского университета, где господствовало неокантианство. Активно положения данного философского направления отстаивали в стенах этого университета А.И. Введенский, И.И. Лапшин, историк А.Л. Лаппо-Данилевский [12, с. 7–8]. Идеи неокантианства были восприняты представителями русской формальной школы также благодаря их трансляции А. Белым, учившимся в Марбурге [12, с. 8]. Ассимилировав идеи неокантианства, представители русской формальной школы придавали большое значение индивидуальной неповторимости феноменов культуры, их аксиологическому измерению и одновременно уделяли большое внимание формальной организации текста, его самостоятельной жизни в поле культуры. Неокантианцы вернули к жизни и развили интеллектуальную традицию, в основу которой лег кантовский критический метод. В центре неокантианских штудий зачастую оказывались и проблемы оснований науки [2, с. 60]. Стремление выявить основы такой науки, как история литературы, характерно для Русской формальной школы.

В.В. Иванов отмечает, что «русский литературоведческий формализм, принципы которого были провозглашены В.Б. Шкловским в его выступлении в конце 1913 г., был одним из тех течений в современной ему науке, которые стремились к созданию строгой системы правил, позволяющих описать предмет исследования безотносительно к истолкованию отдельных элементов, в нем выделяемых, через их отношение к другим явлениям» [4, с. 11], т. е. Русская формальная школа пыталась создать строгую систему анализа текста, правил его организации. В начале XX в. осуществлялись лишь первые попытки подобного подхода к литературе и «наибольшие успехи на пути к такому изучению языка и текста были достигнуты в математике Гильбертом, выдвинувшим понятие знака как центральное, но описывавшим этот знак только в пределах формальной системы, и в сравнительном языкознании де Соссю-

ром» [там же, с. 11]. Иными словами, в центре внимания Русской формальной школы под влиянием неокантианства оказалось рассмотрение формальной организации произведения, текстовой реальности. Представители этой школы пошли дальше – стремились осмыслить смыслопорождение как явление, возникающее из-за специфики жанра. Текст как смысловая конструкция включает в себя различные элементы: логико-эпистемологические, фонологические, лексические, грамматические, синтаксические, семантические, прагматические, риторические, жанровые. Русские формалисты осознали это и пытались описать языком науки данные элементы, их иерархию и принципы взаимодействия. Н.С. Автономова справедливо акцентирует значимость исследований русских формалистов не только для филологии, но и философии, гуманитарной науки в целом: «Теперь, когда наступает закат постмодерна, возникает новая потребность, нацеленная не на любование хаосом, но на реактуализацию структуры со всеми теми трансформациями, которым она подвергается в современную эпоху... Обсуждение судеб мысли о структуре на фоне других направлений поисков в области гуманитарного познания может стать важным шагом в формировании идеи продуктивной рациональности... как универсальной способности разума мыслить последовательно и вместе с тем – порождать новое знание в меняющихся контекстах социальной и познавательной практики» [1, с. 5]. Поняв структуру текста и механизмы смыслопорождения, можно установить те основы, на которых базируется культура, выявить ее элементы: «Среди других гуманитарных наук филология – это в известном смысле образец, парадигма... Вклад русской филологии в мировую культуру несоизмерим со вкладами других областей гуманитарного знания... А потому наследие русской филологии XX века важно и для философов: оно поможет сохранить в культуре формообразующие, структурирующие, продуктивные элементы понимания мира, присущие европейской культуре на всем протяжении ее существования» [1, с. 8]. В формате статьи предпринята попытка рассмотреть корпус основных теоретико-методологических идей Ю.Н. Тынянова и выявить их значение для изучения истории литературы.

Ю.Н. Тынянов принимал участие в деятельности философского кружка, функционировавшего в стенах Петербургского университета. Он был одним из докладчиков (оппонирование в беседе «О формальном методе», 10 декабря 1923 г.) [3, с. 100]. Филология ОПОЯЗа ориентировалась на философию. Ю.Н. Тынянов, в частности, был знаком с идеями Г. Риккерта. Эти идеи он освоил во время учебы в университете. В архиве Ю.Г. Оксмана, среди материалов к широко задуманным в последние годы жизни ученого мемуарам о Пушкинском семинарии С.А. Венгерова (замысел не был осуществлен), сохранился листок, озаглавленный «К воспоминаниям о Ю.Н. Тынянове»: «Лекции и книги проф. А.И. Введенского проповедовали неокантианство, а потому почти все студенты-филологи были яростными противниками вульгарного материализма... Историю новой философии мы знали по Виндельбанду и косо смотрели на тех, кто предпочитал Паульсена, Маха и Авенариуса. “Науки о духе” мы вслед за В. Дильтеем и Риккертом (и того и другого мы знали только понаслышке) противопоставляли наукам естественным...» [6, с. 517]. За тыняновской оценкой «упрощенного» риккерттианства А.А. Смирнова (1883—1962; историк литературы и переводчик, профессор Ленинградского университета, специалист по западноевропейской литературе Средневековья и Ренессанса,

автор статьи «Пути и задачи науки о литературе») и его построений на основе «суждения ценности» также стоит, по-видимому, некоторый опыт освоения идей Г. Риккерта [6, с. 517]. Позитивным ответом Н.Ю. Тынянова на вопрос об определении литературы была его концепция литературного факта, включавшая и представление об относительной и подвижной ценности литературных явлений.

В статье «Литературный факт» (1924) Ю.Н. Тынянов пишет, что отличительной чертой эволюции в литературе является не планомерность, «а скачок, не развитие, а смещение» [7, с. 255]. Говоря о жанре, он отмечает, что важны не основные черты жанра, а второстепенные. «Жанр – не постоянная, не неподвижная величина... Жанр как система... может колебаться» [там же, с. 256]. Эволюция происходит за счет замещения одного другим: «...новое явление сменяет старое, занимает его место и, не являясь “развитием” старого, является в то же время его заместителем. Когда этого «замещения» нет, жанр как таковой исчезает, распадается. То же и по отношению к «литературе». Все твердые статические определения ее сметаются фактом эволюции» [там же, с. 257]. При этом жанр не существует изолированно, его развитие определяет исторический контекст, в рамках которого он существует: «Шарады, логогрифы – для нас детская игра, а в эпоху Карамзина, с ее выдвиганием словесных мелочей и игры приемов, она была литературным жанром» [там же]. Литературный факт – пришедшая с периферии (из быта) конструкция, второстепенные признаки которой наиболее полно реализует в сфере литературы новый конструктивный принцип: «У младших карамзинистов – А. Тургенева, П. Вяземского идет непрестанная эволюция бытового письма. Письма читаются не только адресатами; письма оцениваются и разбираются как литературные произведения в ответных же письмах... Вместе с тем писатели сознают этот жанр глубоко литературным жанром; письма читались, распространялись. Вяземский собирался писать русский *manuel du style epistolaire* (Руководство по эпистолярному стилю (франц.)... Так письмо, оставаясь частным, не литературным, было в то же время и именно поэтому литературным фактом огромного значения... Письмо было оправданием особых приемов конструкции – вещь быта, свежая, “неготовая”, лучше соответствовала новому конструктивному принципу, чем любые “готовые” литературные вещи» [там же, с. 265–267].

Литературное произведение формируется за счет наложения на материал некоторых объективных, не зависящих от нашего восприятия принципов, функций: «Своеобразие литературного произведения – в приложении конструктивного фактора к материалу, в “оформлении” (т. е. по существу – деформации) материала. Каждое произведение – это эксцентрик, где конструктивный фактор не растворяется в материале, не “соответствует” ему, а эксцентрически с ним связан, на нем выступает. При этом само собою, “материал” вовсе не противоположен “форме”, он тоже “формален”, ибо внеконструктивного материала не существует» [там же, с. 261]. Можно увидеть, что нет ничего в литературе бесформенного, все, по сути, является конструкцией (потенциально или реально). Поэтому главенствующим является особый принцип, названный Ю.Н. Тыняновым конструктивным. При этом данный принцип не является статичным: «...конструктивный принцип» – понятие все время меняющееся, сложное, эволюционирующее. Вся суть “новой формы” в новом

принципе конструкции, в новом использовании отношения конструктивного фактора и факторов подчиненных – материала. Взаимодействие конструктивного фактора и материала должно все время разнообразиться, колебаться, видоизменяться, чтобы быть динамичным» [там же, с. 261–262].

Литературная эволюция – это динамика и взаимодействие быта, материала (зачастую существующего на периферии, в сфере быта) и конструктивного принципа (постепенно перемещающего литературный жанр в центр): «При анализе литературной эволюции мы наталкиваемся на следующие этапы: 1) по отношению к автоматизованному принципу конструкции диалектически намечается противоположный конструктивный принцип; 2) идет его приложение – конструктивный принцип ищет легчайшего приложения; 3) он распространяется на наибольшую массу явлений; 4) он автоматизируется и вызывает противоположные принципы конструкции» [там же, с. 262].

Следует отметить, что быт, по Н.Ю. Тынянову, вовсе не нечто низкое, это не хаос, а конструкция со своей особой логикой: «Быт кишит рудиментами разных интеллектуальных деятельностей. По составу быт – это рудиментарная наука, рудиментарное искусство и техника; он отличается от развитых науки, искусства и техники методом обращения с ними» [там же, с. 264]. Как мы видим, между литературной реальностью и нелитературной, между бытом, социальными условиями и художественным текстом нет границы, которую нельзя пересечь. Это по-разному организованные сферы человеческой жизни (лучше сказать, по разным принципам выстроенный одинаковый материал). Ю.Н. Тынянов выводит текст на социальный уровень: текст, оформленный в определенном виде (письма, фрагмента и пр.), существует как в обществе, так и в литературе, но в литературе явление быта приобретает статус литературного факта: «Здесь, в письмах, были найдены самые податливые, самые легкие и нужные явления, выдвигавшие новые принципы конструкции с необычайной силой: недоговоренность, фрагментарность, намеки, “домашняя” малая форма письма мотивировали ввод мелочей и стилистических приемов, противоположных “грандиозным” приемам XVIII в. Этот нужный материал стоял вне литературы, в быту. И из бытового документа письмо поднимается в самый центр литературы. Письма Карамзина к Петрову обгоняют его же опыты в старой ораторской канонической прозе и приводят к “Письмам русского путешественника”, где путевое письмо стало жанром... Письмо, бывшее документом, становится литературным фактом» [там же, с. 265–266]. Иными словами, литературный факт – «олитературение вещи быта» [5, с. 7], превращение факта быта в конструктивный, прежде всего жанровый элемент литературы [там же, с. 7]. При этом тексты (у Ю.Н. Тынянова – жанры) взаимодействуют между собой, так как один замещается другим: «Ускользало то, что Державин наследовал Ломоносову, только сместив его оду; что Пушкин наследовал большой форме XVIII века, сделав большой формой мелочь карамзинистов; что все они и могли-то наследовать своим предшественникам только потому, что смещали их стиль, смещали их жанры» [7, с. 258]. По сути, Ю.Н. Тынянов говорит о соотносительности одного текста с другим, диалогическом взаимодействии текстов в процессе их функционирования. В дальнейшем это явление будет обозначено термином «интертекстуальность».

И быт, и литература, по Ю.Н. Тынянову, – это системы, развивающиеся и обладающие логикой, которую можно выявить и описать. «Литературный

факт – разносоставен, и в этом смысле литература есть [не]прерывно эволюционирующий ряд» [там же, с. 270]. При этом Ю.Н. Тынянов постоянно подчеркивает, что литературные термины, факты уникальны, являются следствием определенных процессов: «Каждый термин теории литературы должен быть конкретным следствием конкретных фактов. Нельзя, исходя из вне- и надлитературных высот метафизической эстетики, насильно “подбирать” к термину “подходящие” явления. Термин конкретен, определение эволюционирует, как эволюционирует сам литературный факт» [там же].

В статье «О литературной эволюции» (1927) Ю.Н. Тынянов призывает избавиться от субъективности: «Изучение литературной эволюции, или изменчивости, должно порвать с теориями наивной оценки, оказывающейся результатом смешения наблюдательных пунктов: оценка производится из одной эпохи-системы в другую. Самая оценка при этом должна лишиться своей субъективной окраски, и “ценность” того или иного литературного явления должна рассматриваться как эволюционное значение и характерность» [8, с. 272]. Литературовед ставит во главу угла упоминаемый выше принцип системности: «...главным понятием литературной эволюции оказывается смена систем... а вопрос о “традициях” переносится в другую плоскость» [8, с. 272]. Системность предполагает наличие особых функций у элементов системы, и здесь Ю.Н. Тынянов приводит определение понятия «конструктивная функция», им разрабатываемое: «Соотнесенность каждого элемента литературного произведения как системы с другими и, стало быть, со всей системой я называю конструктивной функцией данного элемента» [там же]. Иными словами, Ю.Н. Тынянов стремится создать точный терминологический аппарат, позволяющий анализировать текст, выявлять его структуру.

Функциональность текста не есть нечто простое, единичное; у функций тоже есть своя иерархия, которую возможно осмыслить: «При ближайшем рассмотрении оказывается, что такая функция – понятие сложное. Элемент соотносится сразу: с одной стороны, по ряду подобных элементов других произведений-систем, и даже других рядов, с другой стороны, с другими элементами данной системы (автофункция и синфункция). Так, лексика данного произведения соотносится сразу с литературной лексикой и общеречевой лексикой, с одной стороны, с другими элементами данного произведения – с другой. Оба эти компонента, вернее, обе равнодействующие функции – неравноправны» [там же, с. 272].

По Ю.Н. Тынянову, предмет описания не явлен исследователю непосредственно – как сумма текстов и имен, заданных культурной традицией, но должен быть вычленен из общего культурного потока в виде специфического объекта. (Иначе говоря, предмет анализа историка литературы должен быть расподоблен с той литературой, которая предстает восприятию читателя.) История литературы, построенная на основе теории литературной эволюции, претендовала заменить и традиционный каталог персоналий и шедевров, и компендиум фактов, относящихся к области индивидуального генезиса, или сравнительно-исторических параллелей. Теория литературной эволюции мыслилась, таким образом, как некоторый метаязык.

Ю.Н. Тынянов провозглашал непреходящую ценность исследования литературы как системы, с одной стороны, и роли «главных социальных факторов» – с другой, пытался показать методологические границы и иерархию

филологической мысли. В пунктах 10–12 и 15 статьи он дал схему анализа текста-системы: от системы произведения к определению ее места в «большой» системе целого литературного ряда и затем выяснению соотношенности с внелитературными социальными рядами. Но последний этап включал в себя массу процессов. Социальная функция литературы у Ю.Н. Тынянова представляла как сложная, многосоставная соотношенность, рассмотрение которой необходимо начинать от «ближайших» социальных явлений, более прямо связанных с литературой (прежде всего жанры и стили нехудожественной речи), и постепенно переходить к «дальнейшим».

Интересно, как трактует Ю.Н. Тынянов понятие «влияние». Оно становится производным от функции и формы, объективных условий: «Влияние» может совершиться тогда и в таком направлении, когда и в каком направлении для этого имеются литературные условия. Оно предоставляет художнику при совпадении функции формальные элементы для ее развития и закрепления. Если этого “влияния” нет, аналогичная функция может привести и без него к аналогичным формальным элементам» [там же, с. 280].

Ю.Н. Тынянов в конце статьи повторяет наиболее важные для него положения: при анализе текста нужно соблюдать принцип системности, существуют определенные, обладающие собственной логикой уровни действительности, которые взаимодействуют друг с другом и не зависят от нашей апперцепции, механизмы этого взаимодействия и функции рядов можно проанализировать, описать языком науки, сами функции иерархичны и процесс анализа нужно проводить в строго определенной последовательности: «Изучение эволюции литературы возможно только при отношении к литературе как к ряду, системе, соотношенной с другими рядами, системами, ими обусловленной. Рассмотрение должно идти от конструктивной функции к функции литературной, от литературной к речевой. Оно должно выяснить эволюционное взаимодействие функций и форм. Эволюционное изучение должно идти от литературного ряда к ближайшим соотношенным рядам, а не дальнейшим, пусть и главным» [там же, с. 282]. При этом, напомним, текст у Ю.Н. Тынянова оказывается вписан в социальный контекст, он играет важную социально-культурную роль.

Значимым в тыняновской теории литературной эволюции выступает понятие «пародия». Оно применяется не в обычном своем значении: имеется в виду, что она играет важную роль в процессе литературной эволюции: «История пародии самым тесным образом связана с эволюцией литературы» [9, с. 310]. Пародия может быть смешной, но часто, как отмечает Ю.Н. Тынянов, смеха она не вызывает. Она выступает как индикатор: появление множества пародий говорит о смене систем в литературе: «...пародия, оторванная от пародийности, но носящая в своей структуре характер комического сдвига систем, оказывается каким-то ценным, устойчивым материалом» [9, с. 299]. Пародия показывает, какие системы и как взаимодействуют между собой: «При включении в известную систему поэтического языка, соотношенную с определенными речевыми рядами, – элементов системы другой, соотношенной с другими рядами, происходит перемена измерений; допустим, что в оду, соотношенную с ораторской речью, включены элементы низкого штиля, соотношенные с бытовыми речевыми рядами; речь, которая шла от лица абстрактного “витий”, речевого одического рупора, – станет речью конкретного оратора,

высота ораторской кафедры снижена: перед нами один из примеров жанровой пародии» [9, с. 300]. Пародия выступает как один из главных инструментов анализа культуры, ибо с помощью пародии можно понять строение культуры в тот или иной исторический промежуток времени: какие формы, темы господствовали, какие были на периферии, что относилось к бытовой сфере, а что – к сфере искусства.

Пародия – одно из средств, с помощью которого происходит эволюция литературы. «Старое» входит в «новое» через пародирование, изменение значения, функции старого элемента.

Таким образом, Ю.Н. Тынянов одним из первых предпринял попытку создать теорию эволюции литературы в ракурсе переосмысления идей неокантианцев, придав им, однако, новую акцентировку, сфокусировав на идее многообразия возможностей структуризации изучаемых текстов. По мнению Ю.Н. Тынянова, литературная эволюция состоит в «отталкивании» каждого «нового» произведения от «старого». «Старое» подразумевает соединение элементов «литературного» и «внелитературного» рядов. Вкрапление «старого» в «новое» неизбежно. В системе «нового» произведения может сочетаться несколько «старых».

Ю.Н. Тынянов разработал особый терминологический аппарат. Он ввел такие термины, как «системность», «конструктивный фактор», «конструктивный принцип», «конструктивная функция», «пародия» и др. Проводя филологическую работу, он пытался выявить конструкцию текста, структуру литературной формы, в которую воплощается текст.

Ю.Н. Тынянов во время создания своей теории литературной эволюции выстраивает противостоящие друг другу пары терминов («старое»/«новое», поэтическое слово/иллюстрация, изображение и др.) Противопоставляет Ю.Н. Тынянов и визуальный ряд словесному: «специфическая конкретность поэзии прямо противопоставлена изобразительной конкретности, так как обе конкретности находятся на совершенно различных уровнях в медиальном и семиотическом отношении, и даже противоположных друг другу. Чем выше словесная конкретность и осязаемость поэтического слова или текста, тем меньше она доступна визуально-графической конкретизации посредством иллюстраций» [10, с. 23]. Ю.Н. Тынянов обосновывает в работе «Проблема стихотворного языка» (1924) своеобразие динамизма художественного произведения; этот динамизм совершенно отличается от динамизма нашей обыденной жизни (см. главу «Ритм как конструктивный фактор стиха»). Под влиянием наследия И. Канта и неокантианцев он полагает, что текст обладает собственной реальностью, он неповторим и рассматривать его нужно как особую структуру, выстроенную по особым канонам.

Предполагаемая Ю.Н. Тыняновым модель эволюции литературы основана на выявлении принадлежащих исключительно тексту пластов информации, отношения, взаимосвязи между которыми можно рационально объяснить, обращая внимание на исторический контекст (разделение «литературного» и «внелитературного» рядов). Тынянов указывал на важность выявления не просто отдельных элементов текста, но их структурной взаимосвязи, которую следует критически осмысливать. Текст – некий механизм с рядом приемов, базирующийся на использовании особых принципов (конструктивного) и механизмов возникновения (пародия). Влияние неокантианства, таким образом,

сказалось прежде всего во внимании участников ОПОЯЗа к формальной организации произведения, текстовой реальности. Тем новым, что сделала Русская формальная школа, явилась попытка понять смыслопорождение как феномен жанровой специфики, а затем и собственно лингвистической ткани текста. Текст слагается как несущий смысл из ряда компонентов: логико-эпистемологических (знак, смысловой концепт, денотат), фонологических, лексических, грамматических, синтаксических, семантических, прагматических, риторических (тропы – отсюда интерес Ю.Н. Тынянова к пародии), жанровых. Русские формалисты, как позже и иные школы структурализма (например, французский структурализм) уделили внимание этим факторам. Р.О. Якобсон вывел теоретико-методологические идеи русской формальной школы в плоскость лингво-семиотики. У Ю.Н. Тынянова звучит и тема, ставшая позже достоянием постструктурализма, – интертекстуальность, выход на социальный контекст. Русская формальная школа пыталась найти и описать априорную структуру текста. Зная эту структуру и механизмы ее изменения, можно объяснить сущность не только литературы, но и культуры в целом.

Русская формальная школа оказала значительное влияние на развитие гуманитарных наук в XX веке, в частности на формирование системно-семиотического направления [11, с. 184]. По-разному оценивают силу воздействия идей формалистов на их работы культурологи Ю.М. Лотман, В.В. Иванов, Б. Успенский, Р. Барт, К. Леви-Стросс, М. Фуко и др. [там же, с. 185]. Безусловно мощное воздействие идей русской формальной школы на русскую культуру в целом (создание литературных произведений, кино), сохраняющееся и донныне, так как отдельные положения Русской формальной школы возможно широко толковать в культурологическом плане. «Материал и стиль, взаимодействие (притяжение/отталкивание) жанровых форм, влияние бытовых и коммерческих условий художественного производства, определение самой фактичности существования произведения искусства – все это, безусловно, является современными проблемами. В современной культуре многие понятия, рассматриваемые формалистическими теоретиками, находят новые приложения, в частности в расширяющейся области прикладного искусства (массовая коммуникация, дизайн, мода, реклама, поп- и контркультура, культура потребления)» [там же, с. 185].

Список литературы

1. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон–Бахтин–Лотман–Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009. 503 с.
2. Белов В.Н. С.И. Гессен в истории русского неокантианства // Кантовский сборник. 2014. № 1 (47). С. 59–65.
3. Дмитриева Н.А. На перепутье традиций: неокантианская антропология Якова Гордина. Ч. 2 // Вестн. РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 3 (5). С. 99–110.
4. Иванов Вяч. Формальная система и ее интерпретация в науке XX–XXI веков // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание: коллектив. монография / сост. Я. Левченко, И. Пильщиков. М.: НЛО, 2017. С. 11–16.

5. 5. Куличкина Г.В. Развитие представлений о правде и факте в русской литературе: 1750-1840-е гг.: дис. ... канд. филол. наук. Пермь: Пермс. гос. ун-т, 2001. 161 с.
6. 6. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. М.: КомКнига, 2001. 176 с.
7. 7. Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 255–270.
8. 8. Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции // Ю.Н. Тынянов Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 270–281.
9. 9. Тынянов Ю.Н. О пародии // Ю.Н. Тынянов Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 284–310.
10. 10. Ханзён-Леве О.А. Перспективы русского формализма: Логоцентризм вчера и сегодня // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание: коллективная монография / сост. Я. Левченко, И. Пильщиков. М.: НЛЮ, 2017. С. 17–34.
11. 11. Шамшин Л.Б. Русская формальная школа // Культурология. XX век: энциклопедия / гл. ред. С.Я. Левит. СПб.: Унив. книга; ООО «Алетейя», 1998. 370 с.
12. 12. Flack P. Between Literature and Philosophy: Russian Formalism and the Neo-Kantians. URL.: http://www.academia.edu/5908524/Between_Literature_and_Philosophy_Russian_Formalism_and_the_Neo-Kantians

YU. TYNANOV'S FORMAL METHOD AND HISTORY OF LITERATURE STUDY: PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS

Yu.A. Yakusheva

Tver State University, Tver

Russian formal school is analyzed in the article's format as a special phenomenon of philosophical and methodological thought. The importance of Yu. Tynyanov's methodological approach to the understanding of the text nature and the way of cultural phenomena analysis in humanities is revealed. Yu.N. Tynyanov's views on the evolution of literature in the formal method perspective are interpreted with special reference to their philosophical foundations.

Keywords: *structuralism, neo-Kantianism, Russian formal school, text analysis, humanitarian cognition, literary evolution, text, philosophy of culture.*

Об авторе:

Якушева Юлия Александровна – аспирант кафедры философии и истории культуры, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». E-mail: julia_jakusheva@rambler.ru

Author information:

Yakushova Julia Aleksandrovna – PhD student of the Department of philosophy and history of culture of the Tver State University, Tver. E-mail: julia_jakusheva@rambler.ru